

ἄνορα αὐτοῦ.... Въ Пар. отрывкѣ здѣсь только 2 креста; въ Хлуд. и Барб. Моисей, Ааронъ и Самуилъ подѣ крестомъ; въ Гамильт. они же распростерлись передѣ Распятіемъ; въ Пантокр. здѣсь Голгоа съ церковью, и въ русск. 1397 г.—воздвиженіе креста; идея вездѣ одна и та же, но формы ея выраженія разнообразны). Во-вторыхъ, два иллюстратора, избравшіе одинъ и тотъ же художественный мотивъ, разнообразятъ его, иногда упрощая и сокращая, иногда развивая и осложняя (примѣры на стр. 87), то избирая предыдущій, то послѣдующій моментъ (стр. 88). Въ-третьихъ, наконецъ, такъ какъ въ значительномъ большинствѣ случаевъ художникъ относился къ своему дѣлу вполне сознательно, онъ обобщалъ фигуру, ставшую ему непонятной; напр. вышеуказанный лжепатріархъ Іоаннъ замѣнялся простымъ грѣшникомъ.

Особую сокращенную подредакцію представляетъ петерб. отрывокъ № 265: онъ только намекаетъ на сюжетъ тамъ, гдѣ др. изображаютъ его обстоятельно (напр. при ис. LXXVII, 17 вм. крещенія Спасителя только 2 рѣчныя божества).

Отмѣчая увеличеніе количества рисунковъ въ позднѣйшихъ экземплярахъ (Лонд. 1066 г., греко-лат. гамилт. и русск. 1397 г.), г. Тикканенъ указываетъ на тотъ характерный фактъ, что количественное богатство не сходится съ качественнымъ: наиболѣе содержательныя и глубокомысленныя изображенія принадлежатъ древнѣйшимъ рукописямъ и прежде всего Хлудовской.

Г. Тикканенъ заканчиваетъ свою содержательную работу общимъ замѣчаніемъ, что художники, очевидно, вслѣдствіе усталости, послѣдніе псалмы (начиная съ CXIV) иллюстрировали значительно экономнѣе, и общаніемъ характеризовать въ слѣд. выпускѣ ватиканскую рп. № 1927 и двѣ русскія прежде, чѣмъ перейти ко 2-ой главной группѣ византійскихъ Псалтырныхъ иллюстрацій.

Будемъ съ нетерпѣніемъ ожидать продолженія образцовой монографіи г. Тикканена.

А. Кирпичниковъ.

Н. Покровскаго, Очерки памятниковъ православной иконографіи и искусства. Со 150 рисунками. Спб. 1894. 8^о.

Это небольшой, аккуратно изданный томикъ, заключающій болѣе 300 страницъ текста, украшеннаго 150 иллюстраціями. Обиліе рисунковъ, хотя и не всегда хорошаго исполненія, дѣлаетъ очень удобнымъ и полезнымъ пользованіе книгой, имѣющей педагогическія цѣли. «Цѣль очерковъ», какъ говоритъ самъ авторъ, «заключается въ сжатомъ изложеніи результатовъ, достигнутыхъ церковной археологіей въ области изслѣдованія памятниковъ православной иконографіи и искусства». Книга назначается для тѣхъ лицъ, которыя пожелали бы ознакомиться съ христіанской археологіей, при чемъ ближайшимъ образомъ очерки посвящаются воспитанникамъ духовныхъ школъ, какъ наиболѣе нуждающимся въ та-

кого рода книгъ и наиболѣе подготовленнымъ къ церковно-археологическимъ занятіямъ. Такимъ образомъ «Очерки» пополняютъ существенный пробѣлъ въ нашей популярной литературѣ, преслѣдующей цѣль не только дать понятіе о цѣлой отрасли научнаго знанія, но и помочь желающимъ предаться спеціальнымъ занятіямъ въ этой области. Книга А. фонъ-Фрикена «Римскія катакомбы» до сихъ поръ была единственнымъ сочиненіемъ на русскомъ языкѣ, къ которому отсылались все интересовавшіеся древне-христіанской и византійской археологіей и искусствомъ.

«Исторія византійскаго искусства» *Байе*, переведенная на русскій языкъ съ французскаго, можетъ быть названа рядомъ съ сочиненіемъ А. фонъ-Фрикена, какъ пособіе для первоначальнаго знакомства съ византійскимъ искусствомъ. Но «Очерки» Н. В. Покровскаго, являясь позднѣе указанныхъ сочиненій, заключаютъ въ себѣ еще и изложеніе общихъ понятій объ археологіи и искусствѣ древне-русскихъ, въ чемъ и состоитъ ихъ большая заслуга и преимущество. Въ «Очеркахъ» кратко излагаются результаты, добытые какъ самимъ авторомъ въ его обширныхъ сочиненіяхъ, такъ и вообще русской церковной археологіей. Авторъ общаетъ, кромѣ того, дать еще рядъ очерковъ по исторіи древне-русскаго искусства XVI — XVII вѣковъ.

Во введеніи авторъ объясняетъ важность изученія памятниковъ христіанской и византійской иконографіи вообще для занятій исторіей древне-русскаго искусства и вкратцѣ излагаетъ исторію науки христіанской и византійской археологіи. Затѣмъ послѣдовательно описываетъ древне-христіанскую живопись катакомбъ, предлагая и хорошее описаніе происхожденія и устройства римскихъ катакомбъ; древне-христіанскую скульптуру; мозаики древне-христіанскія и византійскія; византійскія лицевыя рукописи, эмаль, скульптуру. Книга заканчивается тремя главами, посвященными памятникамъ византійской живописи на русской почвѣ — мозаикамъ и фрескамъ Кіева, фрескамъ новгородскимъ и владимиросуздальскимъ.

Въ «Очеркахъ» принятъ методъ описательный и изложеніе отличается достаточной легкостью и вразумительностью. Широкая задача, которую поставилъ себѣ авторъ и трудность уложить обширный матеріалъ въ тѣсныя рамки очерковъ, конечно, повліяли на составъ самихъ очерковъ. и на тѣ пропуски и недосмотры, которые замѣтны специалисту при чтеніи. Вполнѣ сочувствуя какъ появленію очерковъ, такъ и той основной цѣли ея, руководясь которой почтенный авторъ рѣшился превозмочь громадныя трудности и изложить результаты своей науки, мы рѣшаемся указать на нѣкоторыя незначительныя упущенія и недосмотры, которые, можетъ быть, будутъ устранены при будущемъ новомъ изданіи очерковъ.

1) При обзорѣ катакомбной живописи и при обзорѣ древне-христіанскихъ саркофаговъ не принятъ въ расчетъ результаты работъ Эдмонда Леблана, который выяснилъ, что многія библейскія и евангельскія сцены на саркофагахъ служатъ какъ бы иллюстраціями къ отдѣльнымъ

литаніямъ молитвъ *de agonisantibus* и *Commendatio animae quando infirmus est in extremis*. Между тѣмъ это даетъ не только руководящую нить при обзорѣни состава сценъ катакомбной живописи и саркофаговъ, но и характеризуетъ цѣлую сторону катакомбнаго искусства.

2) Точно также при обзорѣни диптиховъ не указано, что послѣдовательность сценъ на нихъ историческая, т. е. что изображенія событій изъ жизни Богородицы и Христа располагаются соотвѣтственно вокругъ центрального изображенія Христа и Богородицы въ хронологическомъ порядкѣ. Поэтому при описаніи миланскаго диптиха допущено неправильное объясненіе двухъ сценъ. Одна, представляющая особый переводъ явленія Ангела Богородицѣ близъ дома (повторена на ящикѣ изъ слоновой кости Вердена), при чемъ Ангелъ указываетъ Маріи на звѣзду, — принята за сцену, въ которой будто бы Ангелъ показываетъ одной изъ женъ муроносицъ гробъ Господень¹⁾. Ошибка произошла оттого, что на рисункѣ, изданномъ авторомъ по рисунку Гарруччи, опущена звѣзда, которая изображена на самомъ памятникѣ, что Гарруччи и оговорилъ въ своемъ текстѣ. Другую сцену, представляющую пораженіе мудрости учителя по апокрифу авторъ считаетъ за изображеніе Христа передъ Пилатомъ, вслѣдствіе чего мальчикъ Христосъ является въ качествѣ Пилата, что не соотвѣтствуетъ его маленькой фигурѣ, равно какъ и двѣ фигуры, изображенныя за учителемъ, не могутъ быть приняты ни за воиновъ, ни за народъ, такъ какъ они одѣты въ простыя одежды и одинъ изъ нихъ сидитъ въ креслѣ и держитъ какъ ученикъ раскрытую книгу. На такое значеніе сцены уже указано въ наукѣ давно.

3) На донышкѣ сосуда, на которомъ представлена композиція *Dominius legem (расем) dat*, одна фигура названа Іоанномъ Крестителемъ, а другая неизвѣстнымъ апостоломъ, въ то время какъ это апостолы Петръ и Павелъ.

4) На стр. 20 вкралась также ошибка. Тамъ сказано, что Павлинъ Ноланскій изобразилъ въ церкви св. Феликса въ Нолѣ «Христа, стоящаго на агнцѣ», чего не могло быть и не было, какъ доказано Викгофомъ.

На стр. 102 въ описаніи мозаики церкви св. Пуденціаны сказано, что крестъ изображенъ «въ облакахъ», между тѣмъ какъ онъ изображенъ стоящимъ на горѣ.

На стр. 68 — 9 въ описаніи сцены поклоненія волхвовъ во фрескѣ Марцеллина и Петра сказано, что на блюдѣ волхва изображены игрушки, между тѣмъ уже Гарруччи указалъ, что это ладанъ, шедшій въ торговлю въ видѣ различныхъ фигурокъ, напр. птицъ.

На стр. 181 повторено объясненіе креста, изображаемаго въ Іорданѣ въ сценахъ крещенія, какъ символа освященія водъ, а не того историческаго креста, который уже въ VI вѣкѣ стоялъ въ Іорданѣ на мѣстѣ крещенія Христова.

1) De Waal думаетъ, что здѣсь представлено Введеніе во храмъ Богородицы, *Römische Quartalschrift* 1887, p. 185,6.

Отмѣтимъ и такія неточности, какъ напримѣръ, на стр. 219, гдѣ сказано, что у Богородицы въ шуйцѣ два веретена, между тѣмъ какъ въ рукѣ у нея пряжа и веретено; на непонятное выраженіе: «стилизованное небо» (стр. 259), подъ которымъ должно скрываться изображеніе круга или полукруга въ верхней части миниатюры, представляющаго небо или облако. Есть и несовсѣмъ вѣрно понятыя детали (стр. 86); такъ, солдаты Ирода являются въ еврейской куафюрѣ, тогда какъ на данной сценѣ вовсе нѣтъ солдатъ, а изображены простые іудеи въ своихъ шапкахъ и туникахъ, причемъ ихъ прически понятно не видно.

Очевидно, что при слѣдующемъ изданіи «Очерковъ» мы въ правѣ будемъ ожидать искорененія подобныхъ неточностей. Не можемъ не пожелать, чтобы въ «Очерки» проникъ также художественный анализъ стилей и композицій. Въ «Очеркахъ» нигдѣ не затронуты такіе существенные вопросы, какъ постепенное осложненіе сценъ, или отличія въ исполненіи. Мы находимъ только похвалу или порицаніе рисунка и красокъ, что не можетъ дать читающему руководящаго положенія, необходимаго въ такой книгѣ, какъ «Очерки».

Д. Айналовъ.

G. Schlumberger. *Mélanges d'archéologie byzantine.* Paris, Leroux. 1895. 8°. 345 стр.

Книга извѣстнаго археолога и издателя византійскихъ печатей Шлумбергера не представляетъ новинки въ строгомъ смыслѣ слова; она составлена изъ статей, напечатанныхъ первоначально въ разныхъ временныхъ изданіяхъ, но русскій читатель, особенно провинціальный, найдетъ въ ней не мало новаго, такъ какъ даже въ университетскихъ библіотекахъ не получаютъ многіе спеціальные журналы, въ которыхъ сотрудничалъ Шлумбергеръ.

Въ своей книгѣ авторъ помѣстилъ снимки и описанія монетъ, гирь, печатей, разныхъ драгоценныхъ предметовъ и амулетовъ.

Шлумбергеру удалось найти нѣсколько рѣдкихъ монетъ, напр. Ираклія консула, царя Фоки, Исаака Комнина съ надписью «Господи помоги православному владыкѣ», которыя существеннымъ образомъ дополняютъ извѣстное изданіе Сабатье. Одна монета составляла бы даже важное открытіе, если бы мы могли повѣрить объясненію автора. Въ Парижѣ хранится золотая монета съ надписью: Θεοτόχε βοήθει Ζέρμω στρατηλάτη (р. 1). Ученый другъ Шлумбергера Сава указалъ ему, гдѣ надо искать загадочнаго стратилата. Кедринъ рассказываетъ, что послѣ окончательнаго покоренія Болгаріи въ 1018 г. одинъ только Сермонъ, повелѣвавшій въ Сирміи (ὁ τοῦ Σιρμίου κρατῶν Σέρμων), не хотѣлъ подчиниться византійской власти. Онъ продержался нѣкоторое время въ Сирміи, затѣмъ крѣпость эта была взята стратигомъ Константиномъ Діогеномъ, и Сермонъ вѣроломно убитъ въ іюлѣ 1019 г. Принявъ тожество этихъ двухъ лицъ, Шлумбергеръ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ. На основаніи